

Первая мировая война в польской литературе

Первая мировая война для Польши неразрывно связана с борьбой за независимость. Этому есть историческое объяснение. В 1795 г. Польша исчезла с карты Европы как самостоятельное государство. Ее земли вошли в состав России, Австрии (потом Австро-Венгрии) и Пруссии (Германия). Все польские восстания и попытки самостоятельной борьбы с державами-захватчицами заканчивались с тех пор неудачей и репрессиями. Поэтому Польша почти 120 лет ждала глобального конфликта между странами – участниками ее разделов, надеясь, что он поможет ей вновь обрести независимость. Некоторые писатели даже называли такую войну «зарей свободной страны». Адам Мицкевич, молился о «всеобщей войне за свободу народов», а за ним и следующие поколения поляков повторяли эту молитву.

Русская литература уделяет Первой мировой войне меньше внимания, чем Великой Отечественной. Сам факт, что русские называют Вторую мировую войну «отечественной» свидетельствует о том, какая из двух мировых войн важнее для них. Чтобы лучше понять значение Первой мировой войны для польской литературы и вообще для поляков, надо в нескольких словах напомнить историю польской литературы XIX в.

Польша всегда гордилась своей литературой. После 1795 г. среди части поляков даже сформировалось мнение, что поляки должны сыграть в Русской империи ту же роль, что и греки в Римской империи в древние времена¹. В первом обзрении польской словесности на русском языке, изданном в 1820 г., Фаддей Булгарин подчеркивал, что Россия ста-

¹ *Wołoszyński R. Polsko-rosyjskie związki w naukach społecznych, 1801–1830. Warszawa, 1974. S. 118.*

© Глушковски П., 2010

ла настоящей империей благодаря своей военной силе и польской литературе². Во время разделов Польши вся культура в целом и литература в частности были нередко единственным средством выражения польского духа. В польской литературе нашла свое отражение борьба поляков за независимость. Причем имеются в виду не только польские восстания (ноябрьское 1831 г. и январское 1863 г.), но и повседневная жизнь людей: тайные уроки польского языка, сохранение традиций, сопротивление германизации и русификации³.

В польской литературе XIX в. можно выделить три направления: романтизм, позитивизм и направление «Молодая Польша»⁴. Представителями романтизма являются такие авторы, как Адам Мицкевич, Юлиуш Словацкий и Циприян Камил Норвид – известные во всем мире писатели-пророки и одновременно польские патриоты, боровшиеся за независимость своей страны. Литературу позитивизма представляют не менее известные писатели: Болеслав Прус, Элиза Ожешкова, лауреат литературной Нобелевской премии Генрих Сенкевич. Все они пытались славить польский «гонор» – патриотизм, в их произведениях слышалось эхо освободительной борьбы. На литературном направлении «Молодая Польша», время которого закончилось вместе с окончанием Первой мировой войны, надо остановиться подробнее.

Во время Первой мировой войны единой польской армии не существовало: польские солдаты воевали в трех великих армиях по обе стороны фронта⁵. И со всеми этими армиями у поляков были связаны надежды на независимость Польши. В 1914 г. Германия и Центральные державы (Австро-Венгрия, Турция), рассчитывая на план Шлиффена, ожидали быстрой победы, а государства Антанты были уверены в том, что их противник не выдержит долго войну на два фронта. В июне 1914 г. почти никто не думал о Польше как о решающем факторе, однако ужасы непрекращающейся войны быстро вынудили страны-захватчицы предложить

² См.: *Булгарин Ф.* Короткое обозрение польской словесности // Сын отечества. 1820. № 31. С. 193–194.

³ См.: *Chwalba A.* Historia Polski, 1795–1918. Kraków, 2008. S. 341–349, 450–456, 512–517.

⁴ *Wiłkowska A., Przybylski R.* Romantyzm. Warszawa, 2007; *Markiewicz H.* Pozytywizm. Warszawa 2008; *Hutnikiewicz A.* Młoda Polska. Warszawa, 2007.

⁵ См.: *Pajewski J.* Pierwsza wojna światowa. Warszawa, 2004.

полякам выбрать какую-либо форму независимости⁶. Как Россия, так и Австро-Венгрия и Германия надеялись на поддержку польских солдат и обещали им независимое или квазинезависимое новое государство.

Польская литература Первой мировой войны актуализировала мифы независимости, а также показывала, как нужны полякам великие герои и народные вожди. Литература того периода хорошо отразила умонастроения поляков, которые хотя и не знали, с какой стороны к ним может прийти независимость, но горячо полемизировали друг с другом о будущем устройстве суверенной Польши, о методах и способах получения независимости. Сегодня, благодаря литературе, мы знаем, насколько разобщен был польский народ и сколько разных путей борьбы за свободную Польшу предлагалось полякам. Два основных пути были связаны с именами Юзефа Пилсудского и Романа Дмовского⁷.

Польскую литературу о Первой мировой войне можно разделить на три составляющие. Во-первых, это патриотическая литература польских легионов, в которой доминирует поэзия; во-вторых, это воспоминания и документы, относящиеся к событиям того времени. И, наконец, художественная литература, прежде всего проза, но также поэзия и драма. Высказывания на тему Первой мировой войны можно найти в польской лирике, эпике и драме, они встречаются практически во всех литературных жанрах: дневниках, мемуарах, художественных произведениях, в беллетристике.

Не все писатели с энтузиазмом встретили войну, но в большинстве своем они расценили ее как большой шанс для Польши обрести независимость. Многие сначала славили подвиги польских солдат на войне, а позже стали описывать ее натуралистически, задумываться над последствиями этой бойни и трагедией ее участников. К теме Первой мировой войны в той или иной степени обращались все писатели, чьи взгляды сформировались до 1914 г.

⁶ См.: *Grosfeld L.* Polityka państw centralnych wobec sprawy polskiej w latach, 1914–1918. Warszawa, 1962; *Pajewski J.* Odbudowa Państwa Polskiego. Warszawa, 1985; *Chwalba A.* Historia Polski, 1795–1918. S. 569–594.

⁷ Юзеф Пилсудский и Роман Дмовский – великие польские государственные деятели, которые придерживались разных концепций независимой Польши. Их жизнь, деятельность и политические взгляды довольно полно освещены польскими историками. См., например: *Garlicki A.* Piłsudski. Warszawa, 2008; *Suleja W.* Józef Piłsudski. Wrocław, 2009; *Kawalec K.* Roman Dmowski: 1864–1939. Wrocław, 2002; *Wapiński R.* Roman Dmowski. Lublin, 1989; *Lewandowski J.* Józef Piłsudski i Roman Dmowski wobec I wojny światowej // *Pierwsza wojna światowa w literaturze polskiej i obcej: Wybrane zagadnienia.* Lublin, 1999. S. 19–25.

Особого внимания заслуживает литература польских легионеров, которую нельзя причислить к потоку обычной патриотической литературы, а тем более пропаганды. Не хочу мифологизировать польские легионы, однако несомненным фактом является то, что в их составе был очень большой процент поэтов, писателей и других творческих людей⁸. Так, в начале Первой мировой войны на службе у Пилсудского оказались талантливые писатели Вацлав Сорошевский, Анджей Струг, Ежи Жулавский, Густав Даниловский, Владислав Оркан, Юлюш Каден-Бандровский и др. Легионером был и один из самых известных писателей того времени Стефан Жеромский. В легионах Пилсудского служили также 88 студентов Краковской Академии изобразительных искусств и в их числе Эдвард Смиглы-Рыдз.

Чтобы показать основные тенденции и особенности литературы польских легионов, остановлюсь на творчестве нескольких писателей. Характерным представителем данного течения был Владислав Оркан (настоящие имя и фамилия Францишек Ксаверы Смятаж)⁹. Не имея склонности к военной службе, он в начале войны даже уехал в Инсбрук, чтобы написать антивоенный роман. Однако ограниченность в средствах и напоминания в письмах матери о долге перед родиной побудили Оркана вернуться и определиться в армию, в 4-й сухопутный полк польских легионов. Но о том, что он не был создан для солдатской жизни, мы узнаем не из его произведений, а только из писем к семье.

В польском языке есть выражение «*ku pokrzepieniu serc*» (для укрепления сердец, для воодушевления), именно такими стали для поляков книги и статьи Оркана. Первая мировая война отражена во всех его произведениях, но наиболее подробно – в поэтическом репортаже «Путем чвартакów: из Островца в Литву», в армейских воспоминаниях, военных призывах¹⁰ и нескольких стихах. Репортажи Оркана сразу стали печататься в журналах. Хотя сам он был пацифистом, но считал, что во время войны полякам нужны не описания ее ужасов, с которыми польские легионы сталкивались каждый день, а вдохновляющие примеры. Поэтому он идеализирует польских солдат, их подвиги, а также армейскую жизнь. Именно поэтому Оркан описывает полную энтузиазма встречу в 1915 г. жителями Люблина въезжающих в город «чвартакów» – легионеров 4-го

⁸ Milewska W. *Sztuka legionów polskich i jej twórcy*. Kraków, 1999.

⁹ Faraon B. *Pisarz chłopski wobec wielkiej wojny (Władysław Orkan) // Pierwsza wojna światowa w literaturze polskiej i obcej*. S. 49–64.

¹⁰ Orkan W. *Drogą Czwarтакów: od Ostrowca na Litwę*. Kraków, 2006.

полка¹¹. Воспоминания Оркана – это патриотический, даже агитационный текст, но его никак нельзя упрекнуть в неискренности. Писатель акцентирует внимание на некоторых сторонах армейской жизни, и, благодаря этому, его воспоминания представляют собой очень интересный материал для историка. Стоит подчеркнуть, что Пилсудский появляется у Оркана только эпизодически, как мифический предводитель повстанцев.

Пожалуй, наиболее известным писателем-легионером был Юлиуш Каден-Бандровский. Он оставил очень много произведений, затрагивающих тему Первой мировой войны. В некоторых из них война, можно сказать, становится одним из главных героев¹². Самые популярные романы Каден-Бандровского – это «Матеуш Бигда» и «Генерал Барч»¹³. Действие в них происходит уже после войны. Все персонажи взяты из военной действительности. Так, в романе «Генерал Барч» большинство героев – бывшие легионеры, которые строят новую Польшу. В генерале Барче легко узнать Пилсудского. Узнаваемы и другие бывшие легионеры, например, генерал Домбров в образе Болеслава Роя, такие оппоненты Пилсудского, как генерал Кривулт, ставший в романе Юзефом Довбор-Мусьницким, и депутат Рыбницкий, выведенный в образе Енджея Морачевского.

Говоря о писателях-легионерах, надо упомянуть Анджея Струга. Сегодня немногие помнят его имя, но в свое время он был очень популярен. Первую мировую войну Струг описывает в таких прозаических произведениях, как «Ключ пучины», «Желтый крест», а также в романе «Отличие за верную службу»¹⁴. Стоит подчеркнуть, что в книгах, написанных им сразу после войны, идеализируется борьба за независимость, а более поздние произведения писателя можно определить как пацифистские.

И наконец, хотелось бы отметить, что польские легионы обогатили отечественную литературу песнями. Практически все поляки хорошо их знают со школьных лет¹⁵. Причем интересно, что эти песни namного

¹¹ *Faraon B. Pisarz chłopski...* S. 58.

¹² *Kaden-Bandrowski J. Piłsudzczy. Warszawa, 1987.*

¹³ *Kaden-Bandrowski J. Matusz Bigda. Kraków, 1965; Idem. Generał Barcz. Kraków, 1997.*

¹⁴ *Strug A. Klucz otchłani. Kraków, 1930; Idem. Odznaka za wierną służbę. Kraków ; Warszawa, 1931; Idem. Żółty krzyż. Warszawa, 1971. T. 1–3.*

¹⁵ См., например, песни «Szara piechota», «Przybyli ułani», «Pierwsza kadrowa», «My pierwsza brygada», «O myj rozmarynie» в сборнике: *Pieśń ujdzie cało / red. L. Łochowski. Warszawa, 1995.*

популярнее, чем песни Второй мировой войны, а тем более, чем песни участников восстаний.

Самыми известными писателями военного периода были польские лауреаты Нобелевской премии Генрих Сенкевич, Владислав Реймонт, а также Стефан Жеромский и София Налковская, книги которых читаются с интересом до сих пор. Генрих Сенкевич скончался во время войны, но успел создать швейцарский Генеральный комитет помощи жертвам войны в Польше. Другие из названных писателей неоднократно обращались к теме Первой мировой войны.

По мнению люблинского историка литературы Евгении Лох, В. Реймонт является мастером воссоздания военной действительности, когда описываются судьбы отдельных людей, состояние общества и глобальные проблемы во время войны¹⁶. В этом можно убедиться, читая, например, роман «Пашня», в котором автор описывает постоянное движение войск, динамику войны через восприятие крестьян¹⁷. Сельские жители, не отягощенные багажом исторической памяти, наблюдают последствия войны: трагедию переселений, массовое человеческое горе. Они пытаются не обращать внимания на войну, глубоко веря в то, что, занимаясь землей, смогут пережить тяготы военного времени. В произведениях Реймонта хорошо передана ненависть польских крестьян к немцам.

С. Жеромский обращает внимание на другие стороны Первой мировой войны, в первую очередь на страдания всех слоев населения. До 1914 г. он тоже описывал войну, но если в его более ранних произведениях, например в «Попелах», действия армии представлены как вполне осознанные, то в романе о Первой мировой войне «Харитас» уже подчеркивается нерациональность поведения солдат – их жестокость и озверение¹⁸, война показана как ничем не оправданный кошмар. По военным произведениям Жеромского видно, что он сильно связан с польской романтической традицией. Так, главный герой «Харитаса» легионер Влодзимеж Ясиолд явно имеет черты романтического героя: веря в возможность победы, он, как любой солдат, нуждается в мифическом вожде, и в то же время «он одинок со своей сложной судьбой на этом человеческом кладбище»¹⁹; главного героя посещают видения в духе романтизма – ви-

¹⁶ Łoch E. Stefan Żeromski, Władysław Reymont i Jerzy Żuławski wobec I wojny światowej // *Pierwsza wojna światowa w literaturze polskiej i obcej*. S. 77–78.

¹⁷ Reymont W. *Orka* // Reymont W. *Nowele wybrane*. Warszawa, 1973.

¹⁸ Żeromski S. *Popioły*. Warszawa, 1956; *Idem*. *Charitas*. Warszawa, 1956.

¹⁹ Цит. по.: Łoch E. *Stefan Żeromski, Władysław Reymont...* S. 74.

дения смерти и сатаны. В отличие от Реймонта Жеромский главным врагом Польши считал Россию.

Надо здесь упомянуть и один из самых главных романов Жеромского – «Канун весны»²⁰. Действие книги происходит во время Первой мировой войны и сразу после ее окончания – в период, когда строилась независимая Польша. Писателю удалось показать настроения и проблемы поляков, живших тогда в России: трудности с возвращением на родину, надежды и опасения, связанные с русской революцией, а также увлечение идеей мировой революции. В романе упомянут и миф о «стеклянных домах» – о новой счастливой Польше, ожидающей возвращения своих граждан из России. Шоком не только для главного героя «Кануна весны» стало столкновение этого мифа с суровой реальностью послевоенной Польши: созидание независимой страны натолкнулось на множество внутренних препятствий.

По-другому Первая мировая война представлена в творчестве Софии Налковской, которая вошла в историю литературы в том числе и благодаря своим произведениям на военную тему, созданным в немалом количестве²¹. Это ей принадлежит известная фраза: «Люди людям устроили такую судьбу», содержащая оценку тоталитарных систем периода Второй мировой войны, которую, однако, можно отнести и к военной трагедии 1914–1918 гг.²²

В отличие от многих писателей Налковская не приветствовала начало мировой войны, а совсем наоборот. Война для писательницы – это только катастрофа, это страх, болезни, голод и смерть. Как и большинство поляков, она, конечно, мечтала о независимой Польше, но в то же время была категорически против всех войн. Такая дилемма стояла тогда перед многими поляками. Муж писательницы, известный легионер Ян Юр-Гожеховский, ожидал, что она своим творчеством вольется в поток патриотической литературы²³, однако Налковская не могла с энтузиазмом писать о войне. Первая мировая была ей интересна как тяжелейший общечеловеческий опыт, сопряженный с многочисленными страданиями и смертью. Так, в романе «Тайны крови» Налковская описывает судьбу

²⁰ Żeromski S. Przedwiośnie. Kraków, 2009.

²¹ См.: *Nalkowska Z. Dzienniki*. Warszawa, 2000. Cz. 1.

²² *Natkowska Z. Medaliony*. Wrocław, 2004.

²³ *Wyjciek W. Pierwsza w wojna światowa w oczach Zofii Nałkowskiej // Pierwsza wojna światowa w literaturze polskiej i obcej*. S. 189–196.

простого человека и разрушающее влияние войны на психику людей²⁴. В романе «Граф Эмиль» писательница обращается к собственным дилеммам, связанным с ее возможным участием в движении за независимость Польши²⁵.

Говоря о теме Первой мировой войны в польской литературе, нельзя не сказать о тесно связанной с ней теме русской революции. Революция в России, с одной стороны, означала для поляков конец российской власти на территории Польши, была зарей нового, лучшего мира. С другой стороны, она неизбежно развязывала гражданскую войну, и польская литература показывает, как для большинства поляков революция обернулась кошмаром, когда брат идет на брата, а сын – на отца. Об этом свидетельствуют, например, воспоминания лауреата литературной Нобелевской премии за 1980 г. Чеслава Милоша или известного историка Павла Ясеницы, живших в свое время на территории царской России²⁶.

Польская литература о Первой мировой войне интересна и разнообразна. Характерный для нее дух можно символически показать на примере противостояния в 1916 г. у реки Стоход (сегодняшняя Украина) войск Центральных держав и русской армии, когда по одну сторону фронта воевали польские легионы, а по другую – польские солдаты, служившие Российской империи. И в царской армии тоже было немало поляков с творческими способностями. В их числе – Станислав Игнацы Виткевич (Виткаци), раненный в бою под деревней Витонеж, ставший одним из самых известных польских писателей 20–30-х гг. прошлого века, автор многочисленных драматических произведений, философ²⁷. Многие польские писатели и художники связывали свои надежды на независимую Польшу с блоком Антанты.

Нетрудно понять, что, хотя практически все поляки мечтали о свободной Польше и боролись за ее независимость, их воспоминания о Первой мировой войне были зачастую диаметрально противоположными. Польская литература об этой войне отразила, с одной стороны, трагедию и ужасы войны, а с другой – надежды поляков, связанные с ней, на возвращение независимости Польши и восстановление ее государственности.

²⁴ *Nalkowska Z. Tajemnice krwi. Warszawa, 1917.*

²⁵ *Nalkowska Z. Tajemnice krwi. Hrabia Emil. Warszawa, 1977.*

²⁶ *Miłosz Cz. Rodzinna Europa. Warszawa, 2008. S. 41–58; Jasienica P. Pamiętniki. Warszawa, 2007. Passim.*

²⁷ *Błoński J. Witkacy. Kraków, 2000.*